

МАЛЫШ

(По мотивам одноименной повести Аркадия и Бориса Стругацких)

Монолог девчонки в космосе о важных и не очень вещах

Действующие лица:

МАЙКА - 20 лет, очень опытная в вопросах поиска новых планет для пантианцев.

Пустая, совершенно голая неживая планета, очень-очень далеко от Земли, собственно, Землей здесь даже и не пахнет. Нет, есть что-то знакомое, конечно, какие-то горы, большой океан, карликовые деревья, редкая травка. Будто заброшенный север России, но все равно не то. Ведь даже в самом далеком уголке, куда даже ненормальные полярники боятся заглядывать, чувствуется жизнь. Висит над землей солнце, и ты знаешь, что оно греет миллиарды людей, где-то там, далеко, знаешь, что в воде живут микроорганизмы, маленькие рачки, рыбки, которым холод ни по чем, да и солнце для них что-то вроде красивой картинки, если они вообще его замечают. А здесь, на Ковчеге, новой планете для несчастных пантиан, которых надо срочно спасти от своего взбесившегося солнца, нет ни малейшего дыхания жизни. Возможно, когда-то давно здесь было буйство красок, летали бабочки, бегали огромные пушистые и гладкие животные, кушали друг друга и кушали растения, возможно, здесь были такие растения, которые сами с удовольствием оставляли одни косточки от самых страшных зверей, но... Этого мы уже не застали, потому что на дворе стоял 2162 год, вокруг не было ни души, кроме членов группы операции «Ковчег» и одинокого Малыша. Все же как-то мало для целой планеты, но хоть кто-то, уже хорошо.

В звездолете «Ковчег» в своей комнате сидит Майка. Она в широкой юбке до колена, а к свободному свитеру приколата брошка - космос не космос, исследователи не исследователи, а девочка всегда девочка, особенно в двадцать лет. Она сидит на кровати, вокруг нее разбросаны какие-то чертежи, записки, диаграммы, почему все это не в портативном компьютере, а так, от руки - узнаем в 22 веке. А пока она сидит насупившись, напротив нее на простом табурете - Стась. Сидит и смотрит ей в глаза, выжидает чего-то. Он в свитере и джинсах, ничего необычного. Только разве что бритый. В 22 веке, если даже у тебя не растет сама по себе борода, ее искусственно выращивают, модно бородатым ходить. А Стась не модный, простой такой парень, кибертехник, с роботами возится, ему, как и Майке, 20 лет. Но вообще-то речь не о нем. Он просто сидит и смотрит на Майку, а она губы дует.

МАЙКА. Чего смотришь на меня? Думаешь, я сама понимаю что-то? Ничего не понимаю. Ничего! Надо улетать отсюда, понимаешь ты или нет? Комов этот... Ученый, не от мира сего... Все вы не от сего! Хоть кто-нибудь что соображал бы. Несетесь в звезды, новые миры, новые возможности, новые знания... А с чем несетесь? Сидели дома бы, вязали, мне говорили, это безопаснее. Перестань так смотреть на меня, Стась, перестань. Вышвырнут меня из космоса, ну и замечательно. Видеть никого не хочу. Тоже мне, умы великие. Вернусь на Землю и буду в школе детей учить, что друг к другу по-человечески относиться надо. Комов этот твой ничего этого не понимает. Вандерхузе только, может, чуток. Но тоже. Ты туда же. Да, Стась, и ты! Лучше бы никогда не умели в космос летать. Только головной боли прибавилось. С Землей разобраться не можем, а уже лезем с гуманитарной помощью к пантианцам. Это хорошо, конечно, не спорю, человечество с помощью своих супер-технологий, супер-разума и супер-гуманности спасет целую планету от их родного солнца, которое резко решило взорваться и погубить то, что само породило. Представляю, как в школах детям показывали бы фильмы про эту невероятно гуманную операцию, специально для них мы дали бы интервью, в котором говорили бы, что между делом решили спасти пантианцев, которые даже и не

представляют, что родились на другой планете. Что это обычное дело - гуманность, которая должна стать условным рефлексом к такому-то году. Только я детей буду учить, что гуманность гуманности рознь, что если ты кричишь о своей гуманности, то это уже ерунда какая-то. И не станет это условным рефлексом. Условный рефлекс - это друг другу жизнь портить. Что смотришь так? Стремитесь к своим высшим знаниям и не видите, что у вас под носом человек пропадает. Хорошо, что эта планета не подходит. Очень хорошо. Ты вот сидишь и думаешь, что я злая совсем или с ума сошла. Да все на свете я, понимаешь, все на свете! Понимаешь, Стась, в идеальном мире, который мы строим, все люди должны быть высокообразованными, стремящимися к познанию, высокоморальными и невероятно интеллигентными. Так вот. Это все прекрасно. Но любовь в это все не вписывается. И вписаться никогда не сможет. Будь ты хоть трижды высокоморальным, если ты любил одну, а потом полюбил другую, то ты не сможешь продолжать жить с первой. Обязательно уйдешь ко второй, потому что любишь. А это аморально. Хоть и не хотел, наверняка не хотел, чтобы так получалось. Но полюбил. Вышло так.

Я же как женщина поступила, Стась, как глупая женщина. Понимаешь, я не из-за научного интереса к этому фанатику Комову в группу напросилась. У меня любовь была. Большая такая любовь, с детства мы с ним, слевой Абалкиным. Вместе учились, вместе к звездам лететь собирались. Он зоопсихологией хотел заниматься, а я хотела находить для него разных зверюшек на других планетах. Думали, вместе все делать будем. Думали, что за хлебом вместе ходить по вечерам будем. Да мы и ходили. После всех занятий бежали в магазин и булочки покупали с абрикосовым повидлом. Потом садились в парке, лопали булочки, облизывали липкие от повидла губы и говорили о звездах, о возможностях перелета через подпространство в R-2-измерение, о возможности существования специфических форм жизни на газовых планетах о психологии голованов... И главное, никогда не было такого, чтобы не о чем поговорить. С детства друг от друга не устаем. Помню, мы с ним ходили по стенам одного древнего кремля, весь город как на ладонке под нами, город такой разномастный еще, архитектура двадцатого века рядом с восемнадцатым, двадцать первого с девятнадцатым на одной улице, нуль-Т рядом с белой стеной шестнадцатого века. Ночь, подсветка на зданиях, фонари все горят, ветер мягкий такой, теплый, а я говорю что-то без умолку, про архитектуру, какие-то стили... А он наклоняется ко мне и говорит: «Майка, ветер лучше слушай, он такой крутой». Если б кто другой такое мне сказал - убила бы. А он... Мы взялись за руки и потом еще долго смотрели на огни и на большую темную воду в реке. И ветер правда был крутым. Или, это из-за того, что мне семнадцать было? Стаська, это же правда, любовь была. Не веришь ты в любовь? Ты в науку свою веришь, в прогрессивное человечество и в теорию вертикального прогресса Комова? Может, и не любовь была, не знаю. Зато сейчас у него любовь. Леву моего заставили пойти в школу прогрессоров, чтобы другие планеты до приличного уровня подтягивать, а я решила зря времени не терять и побыстрее в космос, хоть кем. Каждый день по видеофону разговаривали, описывали, кто чем живет, рассказывали друг другу о жизни, которая нас ждет вдвоем. Я ему: «Лева, требую поцелуй через нуль-передатчик!». А он: «Лови их по комнате, я высылаю». И я ловила. А потом, Стась, ерунда какая-то произошла. Он позвонил и сказал, что мы не можем больше так дурачиться и должны быть серьезными людьми, что жизнь не вечна, надо много всего делать и делать серьезно. Я испугалась, что у него какое-то ЧП на Саракше, а оказалась Наташа. Он мне начал говорить: «Извини, мне так жаль, я виноват, я понимаю, что это не честно по отношению к тебе, но чувства вспыхнули, я сам этого не хотел, вот...». Запрогрессировался. Звонил каждый день, спрашивал: «Майка, ну как ты? Я, вот, сегодня спец-операцию выполнил, вот. Опасно было, вот. Но ничего, мы же везде пройдем, вот...». Я же места себе не находила, я всегда знала, что у меня есть единомышленник, друг, товарищ, с которым всегда обо всем могу поговорить. А тут он как веревку мне на шею затягивать стал своими «вот». Я есть ничего не могла. Это глупо все, конечно. Юношеская любовь, сопли эти. Влюбишься, посмотрим, как ты себя вести будешь. У меня всегда ком в горле и живот крутило. Да ерунда это все. Знаешь, что самое обидное? Я-то думала, что она, эта

Наташа Френо, дочка одного из старших прогрессоров, красавица, умница, что сама тоже прогрессор, что у нее жизнь интересная, что она даже Леву Абалкина, моего Леву Абалкина, лучшего выпускника школы прогрессоров, за пояс заткнет историей своих полетов. Что на ее счету сотни цивилизаций, вышедших из исторического тупика. Удивилась, что никогда о ней не слышала, ну, вдруг, под супер-прикрытием работает. А оказалось, Стасенька, ты представить себе не можешь, что оказалось. Она сидит на Земле, приезжает иногда к папе на базу для того, чтобы передать ему кофточку, которую сама связала. Она вяжет! Стась, ты можешь себе это представить? Она вяжет! Она ничем другим не занимается, вяжет шапочки, кофточки, варежки, пледы, покрывала какие-то. Не умеет водить звездолет, ни разу не была на других планетах, не интересуется научной деятельностью человечества. Ей важно только вязать и спрашивать: «Левушка, солнце мое, как ты? Я тебя люблю. Я так мечтаю с тобой встретиться, я связала тебе подарочек. Солнце.». Да еще и не красавица. Совсем не красавица! Глаза маленькие, лицо будто опухло, вся дряблая какая-то. Как бугристое желе. Стась, представляешь, что у меня в голове творилось? Лев Абалкин, молодой гений прогрессорства и Наташа Френо, вяжет, других ласковых слов, кроме, «солнце» не знает. Вот я и решила в работу окунуться с головой. Потребовала, чтобы меня определили к Комову, как к самому ненормальному по части «Контакта», оказалось, что лететь надо так далеко, как только возможно. Конечно, я согласилась сразу и не раздумывая! В первую очередь доказать Леве, что он может быть тысячу раз гением, но он дурак, если ведется на одно только слово «солнце». Показать, что я, Майя Глумова, видный деятель КОМКОНА-1, что я ничуть не хуже, чем он сам, а уж, чем эта Наташа Френо и подавно. Вот такая я злая была, представляешь? Я и сейчас злая. Только тогда я была маленькая и злая, а сейчас большой стала, и ой какой злой. Маленьким все прощается, даже если маленькие - злые. А я большой уже стала. И мне не простилось бы, если бы я с вами так набросилась на возможность «Контакта».

Помнишь, Стась, только когда прилетели, я тебе сказала, что это не планета, а дом с привидениями? Так это не только дом с реальными привидениями и... Как это я тогда так красиво сказала еще? Некротическим эхом прошлой жизни! Круто, да? Тут еще и мои призраки мучаются. Когда мы с Вандерхузе и Комовым полетели осматривать намеченный квадрат и обнаружили останки звездолета Семеновых, я представила, как мы слевой также летали бы и разбились. Я так себе это все живо представила, хотя и представлять не надо было ничего, тела так были расположены, будто тянулись друг к другу. Ты понимаешь, они так любили друг друга и не могли быть поотдельности, что умирая, с переломанными костями, а там, уж поверь мне, были одни кости, и я видела, на сколько частей была подроблена каждая, все равно тянулись друг к другу. Я встала как вкопанная, Комов начал молча и деловито осматривать звездолет, что-то куда-то записывать, будто дома у себя был. Сфотографировал останки, сфотографировал все комнаты, сделал опись всего, что было на борту, и так, словно это практическое задание в школе, что ничего особенного не произошло. И Вандерхузе. Он только теребил свои рыжие бакенбарды. Нет, чтобы что-нибудь сказать этому Комову! Не знаю, минуту молчания надо, наверное, было какую-то сделать... Хотя, мы и так молчали. Только Вандерхузе, попытался разрядить атмосферу своей очередной историей. Рассказывал про каких-то коров, которых везли на планету системы Альфа-7 для эксперимента по выживанию в тех же условиях, что и земных, но с большей силой тяжести и с другим набором корма. Только проходя через подпространственное кольцо АЦ-8 этой самой системы, несчастных коров разорвало ровно пополам вдоль хребта. Поэтому Вандерхузе пришлось учить экипаж корабля старинному рецепту говяжьих котлет. В общем, какая-то такая ерунда была. Я только в тот момент подумала, что Лева бы ко мне не потянулся, что нас разорвало бы как коров Вандерхузе и какие-нибудь местные аборигены-дикари скушали нас как диковинные котлеты, если бы мы с ним куда-то теперь вдвоем отправились. И я порадовалась, порадовалась, понимаешь? Порадовалась, что он с этой Наташей Френо, что он ее «солнце», потому что вдвоем мы не полетим, потому что полетела бы я одна. И одна я уж точно что-нибудь да придумала бы, а если бы сделали из меня котлеты, то не так обидно. Потому что я одна и мне никто не нужен, и я никому

не нужна. Не обидно было бы котлетой становиться. Я злая, я злая, Стась. И тогда на Комова разозлилась, на деловитость его, на то, что делает вид, будто все знает, все умеет, что мы все малыши по сравнению с ним. И на Вандерхузе разозлилась, на бакенбарды его рыжие, на их вечное торможение. На коров его. Неужели не видно, тут люди погибли! Не видят будто. Наплевать им будто. Люди любили друг друга и погибли. Любовники не выживают. Были бы поодиночке - жили бы. А тут... Обрато летели, Вандерхузе рассказывал, какое на вкус настоящее, не синтетическое мясо. Я его чуть там не придушила. Как прилетели, постаралась занять свою голову этой трагедией на звездолете «Пеликан». Почему пилот стер бортовой журнал, зачем им была нужна швейная машинка, что вообще случилось с ними, да и кто они такие. И тут он звонит, Лева мой. И первое, что он говорит: «Солнце, как ты?». Солнце, ты понимаешь, солнце! У нас тут на необитаемой планете разбившийся звездолет, а он как будто сам вязать начал. Хуже самого примитивного робота-убийцы с планеты Скарот! Стась, пожалей меня, я такая глупая и уставшая. И вы такие... Ничего не видите! Что вы к нему привязались, а? Он же вам ничего не сделал, отпустите его. Он один выживет, а с кем-то точно нет. Я по себе знаю, Стась. Я вот пока одна, пока у меня никого нет, у меня цель в жизни есть. Я хочу быть лучше всех. Лучше нее, лучше жирухи этой! И лучше него. Я самая, самая буду. Потому что моя эта жизнь теперь. Потому что ни с кем делить ее не буду. И его не буду делить с Наташей с этой. Пусть забирает! Я самодостаточна. А как только меня полюбят, я буду для этого товарища идеальной. И не надо мне будет стремиться куда-то. Я буду уже идеальной. Лучше не придумать. И я начну тоже вязать. Я не хочу вязать, Стась, я к звездам хочу. Я детей учить хочу, я прогрессорством, может быть, занялась бы... Так, для интереса. И стала бы лучше самого Льва Абалкина, это уж точно. Пусть сидит и вяжет, «солнце»... Стась, я не знаю, чего я хочу. Я работать хочу и отдохнуть хочу, улететь с этой мертвой планеты хочу, чтобы Малыша вы в покое оставили! Вот что важно. Оставьте вы его, ну? Ну хоть что-то человеческое должно же в вас быть, Стась... Поговори с Вандерхузе, он расскажет какую-нибудь очередную историю, ты ему в ответ тоже что-нибудь расскажи. Я же вижу по нему, что ему не нравится, что Малыша используют. Может, хоть у него удастся переубедить Комова, хотя бы потому что они одного возраста и не первый десяток лет по космосу в одной команде летают. Стась, ну помоги ему. Меня Комов ни к кому подпускать не будет. Он теперь всё... Я всё... Стась!

Закрывает лицо руками, дышит.

Мне так стыдно за тот раз, когда он к нам прибежал. Только сели ужинать, и он. Мне показалось, что у меня дурку рвать начало. Прибежал такой маленький черный человечек. Мой маленький черный человечек. Ну помнишь же, какой он был. Такой любопытный, а мы напуганные. Что это? Как это сюда попало? Самая большая наша проблема в том, что мы постоянно ждем угрозы от всего неизвестного. А он же маленький. Мы не боимся только чего-то, что хорошо знаем. Или я не права, Стась, скажи мне. Как будто и вправду в доме с привидениями оказалась. Никого же не должно было быть на «Ковчеге». Вообще никого. Даже самый умный Комов не догадывался, что что-то такое есть. Да, не догадывался же? Единственное ощущение от этой планеты было то, что тут что-то нечисто. Глупостью же считаешь это, а вот нет. Не глупость оказалась. Не глупость! Это внутреннее предчувствие. Это все оно. Я же чувствовала, что тут призраки, что что-то такое непонятное. Вы все отмахнулись от этого ощущения, как от пережитка древних инстинктов, а я нет. Инстинкты не просто так. Я так и знала, что что-то такое появится. Не знала, правда, что и как. Но первой мыслью у меня было, что этот человечек - призрак одного из тех, со звездолета. Страшно так стало, только на секундочку. Совсем на секундочку. А потом я сказала себе: «Майка, ты с ума сошла? Двадцать второй век на дворе! Какие привидения? Это местная гуманоидная цивилизация, видимо, очень развитая. Возьми и догони!». Помнишь, как здорово за ним бежать было? А вот сейчас мне стыдно за это. Будто я гонимая какая, а он заяц, которого надо догнать и принести хозяину. Здорово нас Комов вымуштровал, ага? На рефлексах. Все на рефлексах. Мы с тобой, двадцатилетние придурки без команды Комова, даже без малейших на то указаний, решили, что так надо. Я не хочу больше в таком участвовать. Я сама за себя все буду решать. Сама решу, за кем бегать, за кем нет. Слышишь, Стась? Я

все сама, все сама могу. И не надо мне ни твоей жалости, ни дружеского похлопывания по плечу. Я со всеми проблемами сама разберусь. И не буду больше так бегать. Хотя... Как это было, помнишь? Ветер, мертвая планета, маленькая скособоленная черная фигурка впереди, бежит бесшумно, будто по мягкому ковру. А он еще и босиком. Весь черный, обмазан блестящим чем, будто в жире плавал. И так бегаёт, как ни один нормальный человек никогда бегать не будет. Ноги как циркули туда-сюда, одно плечо сильно вниз, машет руками, при каждом шаге одну половину туловища бросает вперед, а вторую волочит за собой. Как это было ненормально. И при всей моей любви к древним мифам про духов и привидений, ни один дух не мог быть таким. Поэтому, я тогда так решила себе, что это местная цивилизация. Как я не разглядела, что он наш? И ты не разглядел! Или разглядел? У тебя очень скрытые таланты, Стась, мне кажется. Так вот... Мы бежали с тобой, ветер такой крутой был, да? Крутой же? Это же не одной мне кажется? И вдруг как мне вспомнилось, как мы слевой бежали по снегу, который нам по пояс был. Не знаю, как объяснить тебе это все... У меня полные сапоги снега были, таять начал, холодно - жуть. Но так радостно! Бежим, играемся в снежки, кричим что-то, мороз страшный. И мне так себя жалко стало! Ну нельзя так с человеком! Если было такое счастье, то нельзя его лишать и дарить другому, кто совсем его не заслуживает! «Нельзя так с человеком!» - вот что у меня в голове крутилось. И ведь, правда, нельзя! Будь ты хоть трижды гуманоид или не гуманоид с чужой планеты, надо относиться ко всем как к людям. Тогда и к нам как к людям относиться будут. А не просто как к гуманоидам. Я против всей этой операции. Я очень против. Сделай что-нибудь! Я же девочка, я же просто девочка, что я могу? Если бы этого Комова не было, а главным был Вандерхузе, я бы с ним поговорила, он бы точно меня понял и послушал. Зачем вы с ним как с крысой лабораторной? Что он вам сделал? Он вам сам все расскажет, вы сами его поймете, когда будете относиться не как к диковинке. Ну? Что вы глупые все такие? Почему я, Майка Глумова, двадцатилетний квартирьер, все поняла? Или, Стась, и ты все понял? Как ты, бедный, когда мы улетали на разведывание территорий, один был здесь, слышал все эти голоса, женские крики, детский плач. Самое страшное это детский плач. Я, если честно, не знаю, как я с детьми работать буду, потому что дети - это жуть какая-то. Они такие маленькие, непонятные. Смотрят на тебя и будто все уже про тебя знают, а в это же самое время могут грязь с земли поесть. А когда они плачут... Хотя, это так на меня, может, старинные фильмы ужасов повлияли. Там обязательно какой-нибудь ребенок есть. И он смотрит спокойно в камеру. И так страшно становится, страшнее всего. Так-то они, ну фильмы то есть, смешные такие и наивные. Про инопланетян особенно. Но когда дети - это жуть. Поэтому, Стась, когда ты один на корабле, полная тишина на всей этой мертвой планете, и ты через эту тишину слышишь детский плач, да еще и роботы с ума посходили... Бедный, бедный Стась, как ты это все пережил? А после этого даже мой любимый десерт приготовил. Не забыл, хотя я тебе один раз только сказала. У тебя удивительная память и нервы. И, может быть, ты почувствовал то же, что и я? Что на этой планете есть кроме нас еще кто-то. Какие-то призраки? Ну, глупо, конечно, что призраки. Но вдруг? Вселенная еще не до конца изучена же. Не смотри на меня как на дурочку. Я знаю, это глупо и невозможно.

Но если бы кто-то предположил, что на этой мертвой, совершенно пустой планете, в океане которой не плавают ни одного микроорганизма, будто это огромная ванна, не знаю... В общем, кто бы мог подумать, что здесь найдется мальчик, который окажется единственным в своем роде, что на этой планете разбились его родители, отправившиеся в свободный поиск? Это же все совершенно невозможно! Это еще более невозможно, чем привидения. О привидениях хоть есть какие-то предположения, есть какие-то свидетельства, хоть им и нельзя верить... Но! Мы их можем себе представить. А Малыша мы представить себе не могли. Теперь можем, когда увидели. Кто бы мог подумать, что Александр и Мари Семеновы родят в полете ребенка и разобьются не где-нибудь, а на этой самой планете, которая идеально подходит для пантиан, на которой существует какая-то разумная, очень разумная жизнь, которую мы, даже увидя часть ее, представить все равно не можем! Еще более невозможно, что эта жизнь вырастила и воспитала этого мальчика. Да еще так, что он не подразумевает об их существовании. Так, что он, не

имея никакой физической возможности выжить, все-таки выжил и вырос, и бегаёт. Да как ещё бегаёт! А как быстро научился разговаривать? Всего за четыре часа общения с Комовым. Это же невероятно! И как он помнит все, что с ним происходило, начиная с самого начала? Как он может с такой высокой точностью воспроизводить все звуки, которые он когда-либо слышал? Как он так точно воспроизводил детский плач, когда ты был один? Представляешь, какая он умница? Он увидел нас, понял, что мы с ним одного вида. А мы с тобой этого не поняли, когда погнались! Мы с тобой дураки с планеты Земля. А он маленький человечек, родившийся от большой любви где-то далеко-далеко в звездах. Это все и человеческое, и такое нечеловеческое. Вот ты бы смог любить кого-то так сильно, чтобы улететь вместе далеко-далеко? Чтобы знать, что никогда не вернешься назад? Так, чтобы наплевать по большому счету на будущее своего ребенка, не сказав о нем ни слова на Земле? Родив его в космосе? И не убежать тебе от жены и ребенка никуда. Ни к маме, ни на другую планету. Ты в свободном поиске, привет! Они ненормальные. Ей-богу, какие-то ненормальные. Ты вот представляешь их диалог? Он - Привет, дорогая, как спалось? Сегодня ночью мы пролетали над галактикой Ж-35 системы Бета-8, так жалко, что ты не видела этой красоты. Но зато вы так сладко спали с малышом! - А она такая - Милый, я ничего не потеряла, ведь я видела во сне тебя, мое солнце!

Солнце...

Стась, затыкай меня, когда я такое говорю, а? Опять обо всем этом подумала. Наташа Френо и солнце. Это мое, понимаешь, мое! И всегда моим было! Лева мой! И этой вязальщице я его не отдам. Пусть хоть что делает, пусть хоть увяжется, пусть просит своего папочку вернуть Леву на землю для их счастливого совместного проживания. Лева мой. И я сильнее. И космос мы с Левою покорим. А ее не будет там. Не будет. Потому что ей не положено такое. Нельзя ей так. У нее и так все есть, а у меня ничего. Это она пусть новую жизнь начинает в одиночестве. Пусть вяжет сидит. Пусть хоть всю нашу систему обвяжет. Пусть только от Левы отстанет. Он мой, мой он. Это ненастоящая любовь. Это карамельная история. Как они общаются? Ты представь, ну? Она - Солнце! Он - Солнце! И так часами! Часами, Стась! Солнце. А эти родители Малыша не такие были. Их дни по-другому проходили. Он - Мои футболки опять грязные. Неужели ты не можешь просто отдать их роботу? Он сам все постирает. Я купил этот корабль, где все уже давно рассчитано и придумано за нас! Она - Я с ребенком вожусь! Иди и сам отдай роботу, раз такой умный. Опять в монитор сутками пялишься? Он - Я слежу за тем, чтобы в нас не врезался астероид! Она - Какой астероид? Мы находимся в поясе Д-12, вероятность встречи с астероидом приблизительно равна нулю. А даже если такое случится, то есть автоматический щит от них. Он - Я знаю, но я же мужик. Я сам все могу!

И так до бесконечности. Вот это любовь, Стась. Ненавидеть друг друга, но все равно продолжать делать что-то вместе. Лететь вместе к звездам. Говорить друг другу глупости, обидные вещи. Но не разворачивать корабль, а лететь дальше и дальше. Растить ребенка, шить ему пеленки на работе, которого сами переделали в швейный аппарат. А перед смертью тянуться друг к другу. Так любовь делается. Даже если Лева с Наташей Френо поженятся, у них не родится такой талантливый парень, как наш Малыш. Надо делать запрет на потомство тем парам, у которых карамельная любовь или даже такой нету. У нас общество тогда станет и талантливее и все на свете. И не будет таких злых, как я. Не будет таких дур, как Наташа Френо. Не будет таких прогрессоров, как Лев Абалкин. Будут все как Малыш. Умницы и таланты. Понимающие куда больше, чем все мы вместе взятые со всем нашим воспитанием, цивилизацией и прочим. Он космический Маугли. Он не смог бы понять, что мы с ним одного вида, при виде тебя он не смог бы понять, что надо воспроизводить именно то, что он слышал, когда разбился на корабле с родителями. Он не бегал бы так быстро, не схватывал бы все на лету. Если бы эта непонятная местная цивилизация не любила его так же сильно как родители, он не стал бы таким. А просто бы погиб. И мы нашли бы не два трупа, а три.

Когда он прибежал обратно, после того, как мы с тобой его спугнули, и Комов вышел для контакта с ним, мы с тобой впервые увидели его лицо. Такое страшное. Такое невероятное. Такие живые глаза и абсолютно мертвые мышцы лица, будто он и не знает об их существовании. Большие голубые любопытные глазищи как у самого обыкновенного мальчишки. И лицо как маска. Неподвижная, обмазанная будто жиром маска. Малыш, он сам себя так называет. Нет какого-то эгоцентризма, ничего такого нет. Он считает, что он один единственный обитатель этой планеты. И не думает о себе как о чем-то великом. Просто и нежно - Малыш. Не Солнце какое-то, а Малыш.

А какие у него воспитатели! Эти длинные усищи, которые появлялись каждый раз, как только он выходил с нами на контакт... Они были сначала черные, а потом и желтые, зеленые, красные добавились. Думаешь, они так общаются? Посредством цветов? Или это просто разные виды? Так это жутко было, и никак не входило в наши ожидания. Удивительно! Я не понимаю! Так здорово не понимать чего-то! А Комова напрягает, если он чего-то не понимает. Вандерхузе тоже, но он не показывает этого, тербит рыжие бакенбарды и травит истории. А ты, Стась, как ты? Неужели, тебе не круто чувствовать себя таким непонимающим? А? Мне вот нравится! Когда ты мне цветы принес, которые вез с самой Земли? На всякий пожарный, если на планете, на которую летим, не будет никаких подходящих цветов? Я вот тогда вообще не поняла. И так здорово это было. Не понимать, почему друг и товарищ пер цветы в другую галактику, чтобы подарить их мне, простой девчонке Майке. Я думаю, ты и сам не понимаешь этого. Вот и подарил мне цветы. Здорово делать что-то, что не понимаешь. Я вот не понимаю, как Малыш не разочаровался во всем человечестве после разговора с Комовым. Я вот каждый раз разочаровываюсь. Все эти стремления познать все во вселенной путем подгона этого всего под земные стандарты, земные мерки. Прогрессорство это дурацкое. Зачем другим цивилизациям опыт нашей? Мы все разные. И, если честно, я совсем не пожелаю никакой отсталой цивилизации такого будущего как наше настоящее. Потому что мы не ценим друг друга. Малыша вы не цените. Совсем его не цените. А он ребенок. Он Малыш. И что, что этих его таинственных воспитателей по-другому не вытащить на контакт и не понять? Может, и не надо их понимать? Может, они круче нас всех? Может, они нас бы запрогрессировали? Или, может, это точно такие же потеряшки, как Малыш? Может, эта планета притягивает таких? А мы полезли туда, куда не надо было? Может, в далеком будущем Малыш тоже станет таким огромным усиком далеко за этими пустыми горами? Или это действительно не отдельно усы, а части гигантских тараканов? Они знают, как не любят тараканов гуманоиды, и на своей собственной планете решили показать нам, людям, какие они на самом деле хорошие, воспитали такого замечательного Малыша! А? Посмотри, как много всего можно напридумывать, просто чего-то не понимая. Надо иногда что-то не понимать. Интереснее будет. И любить друг друга все будем. По-другому и быть не может. А, Стась, здорово, здорово я придумываю? Здорово же, ну?

А мне вот интересно, как он научился думать, раскладывая перед собой листочки в разных последовательностях и складывая их в определенные узоры. Как так? Начиная перебирать все эти свои листочки и прутики, его лицо так оживало, что на нем не было ни одного неподвижного мускула? Будто хаотичная рябь по лицу? И как это он так складывает узор и говорит: «Щщелкунчик! Ччеширский кот! Сверччок!». - Почему говоришь это? - Приятно выговаривать. Сверччок!

Стась, тебе не было страшно, когда он пришел к нам второй раз, для того, чтобы поговорить. Он же всю жизнь ни с кем не разговаривал. Только с собой. Он может наделать кучу своих фантомов, играть с ними, но разговаривать с ними у него при всем желании не получится. И он, такой маленький и одинокий Малыш, пришел к нам чтобы просто поговорить, решить свои «задачи» и головоломки, узнать, кто мы такие, что нам тут нужно. А мы, глупые-глупые, навели противометеоритную пушку на его воспитателей, на эти здоровенные усы, выглядывающие из-за гор. Если бы хватило ума у нас выстрелить, то мы бы и сами погибли же. Нельзя такое на планете использовать. Только в самых крайних случаях. А все потому, что мы боимся всего, чего не понимаем. А нам гордиться этим надо. Я не понимаю! И это здорово! Они же просто пришли посмотреть,

не обижаем ли мы его. И все. Больше они ничего не хотели. Совсем ничего. И я дура. Надо было еще тогда наперекор пойти Комову, не садиться в это кресло и не наводить на усы прицел. Очень он нас вымуштровал. Вот это я понимаю. И ты должен это понять. Он ко всем и ко всему относится как к эксперименту. Малыш это не эксперимент, это маленький мальчик, который хочет, чтобы его не трогали. Который знает, что такое быть одному, который знает, что если довериться кому-то, то этот кто-то обязательно предаст и оставит его одиноким. Которому нравится быть одному. Единственное что, это его любопытство. Но как только он узнает нашу жизнь получше, так ему быстро все надоест. И он опять будет сидеть у себя на планете. Ну, Стась! Поддержи меня. Неужели я не права? Я права же. Я права.

Помнишь, когда Комов сказал мне выйти с Малышом на контакт? Когда он увидел меня, бросил все свои дела и воспроизвел свой плач во время катастрофы? А потом добавил: «Щелкунчик! Сверчок!». Для удовольствия. Единственная, кому он бы обрадовался, так это мама. Потому что мама только рядом может быть. Потому что ни один воспитатель не заменит чего-то большого, теплого, где всегда можно укрыться от страшного. Мама. Когда Лева так ушел к Наташе, моя мама запретила возвращаться мне домой. Сказала, что я сама должна со всем справиться. Так нечестно, Стась, с людьми так не поступают. Если тебя любят и ждут от тебя внимания или уткнуться чтобы носом и ничего не страшно больше, то надо хотя бы оборачиваться в их сторону. Как с людьми надо. Со всеми как с людьми.

Не честно было, что Комов отправил нас с тобой играть с Малышом. Он сам виноват, что предыдущие контакты прошли не очень хорошо, он слишком многого пытался добиться от Малыша. Информации о других. А о каких других? Малыш и знать о них не знает. Он же думает, что один он. Ну что от него добиться? Мне кажется, это Вандерхузе предложил Комову, чтобы мы с тобой поиграли с Малышом. Вандерхузе хоть такой же ненормальный, как Комов, но у него хоть рыжие бакенбарды и хоть какая-то любовь к человеку есть. И ошибся.

Хорошо, что это все произошло. Сегодня утром Лева позвонил мне по видеофону, он был в вязаном шарфике. Сказал, что Наташе не нравится, что мы с ним общаемся, что Наташа скоро станет его женой, станет Натальей Абалкиной, прямо как его мама. Наталья Абалкина. Бывшая Наташа Френо. Он мне - Не звони больше. Будет случай - увидимся. Звони, но только если что-то срочное. Вот. Солнце.

А что на это скажешь?

Поиграли с Малышом. Здорово было, да? Хорошо мы поиграли с ним сегодня? Мяч покидали, побегали... Когда он уходил, я очень быстро сообразила, что надо делать, чтобы он больше никогда к нам не пришел. Чтобы никто не понял раньше времени, чего я хочу. Много мы увидели, да? Умно? Нацепить «Третий глаз», который был на мне для наблюдения за ним. Чтобы мы смогли увидеть, чем он живет, что делает, что это вообще за планета. Высокой четкости камера. Очень хороший экземпляр. Я нажала на аварийный сигнал только тогда, когда поняла, что одному ему и правда хорошо. Ты же видел эту пещеру с огромными рядами, уходящими в бесконечность, точно таких же, как Малыш. Абсолютно одинаковых. Ему с ними хорошо. Это его мир. Нам нельзя туда. Вот я и нажала именно в этот момент. Видели, как он летит, видели как он под водой, как в чем-то тягучем, и много-много Малышей. Ему хорошо. Я нажала аварийку и все осветилось. Слышал, как он перед тем, как закричать тот ослепительного света, сказал голосом своей мамы «Солнышко мое. Щелкунчик!». Меня же теперь точно в космос никогда не пустят, да? Я всю операцию по контакту завалила, да? Стась, пожалей меня. Я маленькая и глупая девчонка. Пожалеешь? Щелкунчик!

КОНЕЦ

Екатеринбург. 2015 год. ЦСД